

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК

**«СЛАВЯНСКИЙ МИР» СИБИРИ:
НОВЫЕ ПОДХОДЫ В ИЗУЧЕНИИ
ПРОЦЕССОВ ОСВОЕНИЯ
СЕВЕРНОЙ АЗИИ**



Издательство Томского университета
2009

УДК 93/99(093)
ББК 63.2
С47

Редакторы:

д-р филол. наук *О.Н. Бахтина*
д-р филос. наук *В.Н. Сыров*
д-р ист. наук *Е.Е. Дутчак*

Рецензенты:

д-р ист. наук *В.П. Бойко*
канд. ист. наук *Э.Л. Львова*

*Издание осуществлено при финансовой поддержке проекта
«Мир Северной Азии: изучение и освоение
как факторы укрепления экономического, культурного
и геополитического потенциала России». 2009–2010 гг.*

«Славянский мир» Сибири: новые подходы в изучении
С47 процессов освоения Северной Азии: Кол. монография / Под
ред. О.Н. Бахтиной, В.Н. Сырова, Е.Е. Дутчак. – Томск: Изд-
во Том. ун-та, 2009. – 218 с.

ISBN 978-5-7511-1902-7

Коллективная монография посвящена презентации современных исследовательских подходов к изучению «славянской компоненты» в социокультурном пространстве Сибири. В книге представлены теоретические разработки, позволяющие определить перспективы и границы применения тех или иных исследовательских практик, и конкретные исследования, демонстрирующие их эвристический потенциал.

Для специалистов в области междисциплинарных исследований и истории Сибири.

УДК 93/99(093)
ББК 63.2

ISBN 978-5-7511-1902-7

© Томский государственный университет, 2009

ОГЛАВЛЕНИЕ

От редакторов	3
Введение. Новые методологические подходы в современной гуманитарной науке, или Что культура делает с нами и что мы делаем с культурой (<i>В.Н. Сыров</i>)	4
I. «Славянский мир» Сибири: в поиске новых исследовательских практик	49
Восточнославянские народы в процессе освоения Сибири (<i>Е.В. Карих</i>)	51
Использование теории фронта в сравнительно-исторических исследованиях: итоги и перспективы (<i>В.П. Румянцев, Е.В. Хахалкина</i>)	106
Эвристические возможности исследования этнокультурных процессов в Сибирском регионе (<i>О.М. Рындина, Т.А. Гончарова</i>)	126
II. Исследовательский потенциал социокультурного подхода в изучении процессов освоения Северной Азии	143
Методологические подходы к изучению лексических заимствований (на материале сибирской деловой письменности XVII в.) (<i>О.Г. Щитова</i>) ..	145
Сибирский фольклор как источник реконструкции картины мира русского населения Сибири (<i>И.В. Тубалова, Ю.А. Эмер</i>)	168
Конфессиональные миграции: современные методы изучения старообрядческих переселений (<i>О.Н. Бахтина, Е.Е. Дутчак</i>)	198
Заключение. Перспективы комплексного изучения процессов освоения Северной Азии и современного состояния региона	209
Авторы	216

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕОРИИ ФРОНТИРА В СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ: ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Начало изучению фронта как феномена в развитии отдельных государств и отношений между ними было заложено в конце XIX в. американским историком Ф.Дж. Тернером, в 1893 г. выступившим с докладом «Значение фронта в американской истории». Ядром тернеровской теории является идея о специфической роли «границы» – фронта в зарождении и развитии американской цивилизации и «формировании менталитета граждан США»¹. Ф.Дж. Тернер доказывал, что американская история, культура и политические институты были оформлены благодаря не британскому наследию, а уникальной окружающей среде². Что же касается специфики американского развития, то оно, как считал Ф.Дж. Тернер, объясняется «существованием зоны свободной земли... и продвижением американского поселения в западном направлении»³.

При этом основоположник теории фронта рассматривал понятие границы в двух ракурсах. С одной стороны, как термин, отражающий демографическую ситуацию на периферии – в так называемой подвижной зоне фронта, которую «носит с востока на запад» и где плотность населения была крайне низкой (местное индейское население во внимание не принималось). С другой стороны, Ф.Дж. Тернер определял фронт как «процесс встречи, неожиданного столкновения колонизаторов, местного населения и естественной окружающей среды»⁴, «точку или момент встречи между дикостью и цивилизацией»⁵. Иначе говоря, Тернер доказывал, что «фронт – это линия наиболее быстрой и эффективной американизации»⁶.

¹ См. об этом: *Пелунась М.Я.* Опыт использования идеи фронта в гуманитарных исследованиях ученых Западной Сибири // *Американские исследования в Сибири*. Томск, 2005. Вып. 8. С. 17.

² См.: *Furniss E.* *Imaging the Frontier: Comparative Perspective from Canada and Australia*. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://epress.anu.edu.au/dft/mobile_devices/ch02.html

³ *Frederick Jackson Turner.* *Biography*. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.pbs.org/weta/thewest/people/s_z/turner.htm

⁴ Цит. по: *Furniss E.* *Imaging the Frontier...*

⁵ *Frederick Jackson Turner.* *Biography...*

⁶ *Furniss E.* *Imaging the Frontier...*

В XX в. использование концепции фронта и понимание сути процессов колонизации в США и России было углублено. Как подчеркивал российский исследователь-американист М.Я. Пелипась, причины популярности тернеровской концепции «у исследователей различных стран в определенной степени связаны с тем обстоятельством, что Ф.Дж. Тернером не было предложено полностью разработанной теории. Была Идея. Область приложения этой идеи в американском гуманитарном знании расширялась по мере обретения исследователями новых знаний относительно процесса колонизации Америки»¹. Как следствие, в конце XX в. появилось большое количество исследований по «испанскому фронтиру», «городскому фронтиру» и т.д.

В английском языке существует несколько терминов «границы» – boundary, frontier, limit, border, bound и др. Такое многообразие определений, по мнению М.Я. Пелипаса, вносит явную «путаницу и непонимание» в изучение данного феномена². Сам термин «фронтир» в англоязычной литературе используется главным образом для обозначения государственной границы. В связи с этим для уточнения категориального аппарата специалисты в области фронтирных и трансграничных проблем предлагают свои определения фронта, а именно: условных разделительных линий и границ, «подвижной границы» между заселенной и незаселенной территориями, пограничной области взаимодействия и ассимиляции населения и др.³

Б. Томассен, сотрудник Института антропологии Копенгагена, предложил свою трактовку «границы». По его мнению, английский термин «boundary» следует трактовать как географическую линию границы, термин «border» или «borderland» – как территориальную зону, характеризующуюся интенсивными политическими и культурными контактами проживающего там населения, «встречей государства и национальной идеологии... на фоне культурной и/или политической самоидентификации пограничного населения в условиях

¹ Пелипась М.Я. Опыт использования идеи фронта... С. 18.

² Там же. С. 19.

³ Пелипась М.Я. Влияние концепции фронта на формирование внешнеполитической концепции США в XX в. // Американские исследования в Сибири. Томск, 2001. Вып. 5. С. 5. См. также: Резун Д.Я., Шиловский М.В. Сибирь, конец XVI – начало XX в.: фронтир в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://history.nsc.ru/capital/project/frontier/>; Замятина Н.Ю. Зона освоения (фронтир) и ее образ в американской и русской культурах // Общественные науки и современность. 1998. №5.

национального влияния с двух или более сторон». Именно вдоль границ, как подчеркивает Б. Томассен, проживают так называемые забытые нации или этнические меньшинства, которые можно встретить на окраинах наших государств-наций¹.

Новосибирский историк Д.Я. Резун, также как и датский исследователь, подчеркивает, что изучение феномена «границы» не в последнюю очередь предполагает акцентирование внимания на определении фронта как встречи «разных культур, классов и слоев населения, представителей разных идеологий, которые нередко враждовали в своем историческом прошлом»². Именно в таком ракурсе – изучение человека-колониста и его менталитета – современные исследователи видят связь с тернеровской теорией фронта³.

Надо заметить, что в отечественной дореволюционной и советской историографии исследователи оперировали терминами «окраины», «периферия» или «порубежные территории»⁴. Современные же специалисты повсеместно употребляют термин «фронтир», заменяя им привычные для дореволюционной и советской историографии определения⁵. Сложившуюся ситуацию можно объяснить несколькими обстоятельствами. Во-первых, всестороннее изучение истории Сибири с привлечением имеющихся источников невозможно без сравнения двух вариантов колонизации – освоения Сибири и американского Дикого Запада, а значит, без использования тернеровской

¹ Подробнее см.: *Thomassen B. Border Studies in Europe: Symbolic and Political Boundaries, Anthropological Perspectives*. [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.aug.edu/academics/faculty_pages.php?fi=156

² Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв.: общее и особенное. Новосибирск, 2002. Вып. 2. С. 6.

³ *Гороховская Л.Г. Восточный фронтир: миф или реальность // Русский вопрос: история и современность. Материалы Всерос. науч.-практ. конф. Омск, 2005. С. 206.*

⁴ См., например: *Завалишин И.* Описание Западной Сибири: В 3 т. М., 1862–1865; *Ядринцев Н.М.* Сибирь как колония. СПб., 1882; *Андреевич В.К.* Исторический очерк Сибири. Томск, 1887. Т. 3; *Мирзоев В.Г.* Присоединение и освоение Сибири в исторической литературе XVII в. М., 1960; *Андреев И.А.* Очерки по источниковедению Сибири. Вторая половина XVII в. М., 1960; *История Сибири с древнейших времен до наших дней: В 5 т. Л., 1968; Миненко Н.А.* Северо-Западная Сибирь в XVIII – первой половине XIX в.: Историко-этнографический очерк. Новосибирск, 1975; *Рабычевич В.В.* Сибирский город в дореволюционной системе управления. Новосибирск, 1985; и др.

⁵ См., например: *Дамешек И.Ю.* Сибирь в системе имперского регионализма (компаративное исследование окраинной политики России в первой половине XIX в.). Иркутск, 2002.

концепции. И даже в том случае, если авторы приходят к выводу о том, что различий больше, чем сходств, только компаративистские исследования помогают делать подобные заключения, открывая специалистам все новые и новые грани политических, социальных, ментальных и культурных особенностей «пограничных обществ». Так, И.М. Супоницкая после детального сравнения двух вариантов колонизации пришла к выводу «об их радикальном различии», подчеркнув, что «российская колонизация, – экстенсивная, проводимая государством, – представляла движение вширь без качественного преобразования пространства. Она замедлила модернизацию России. В отличие от русской, интенсивная американская колонизация стимулировала экономические и социальные движения США»¹. Во-вторых, в рамках изучения как внутренней, так и внешней политики России концепция «подвижной границы», несомненно, позволяет расширить и углубить понимание процесса освоения Сибири как процесса культурного влияния окраин на периферию и наоборот. Теория фронта, таким образом, позволяет наполнить новым содержанием прежние определения, в первую очередь в аспекте изучения социальных и ментально-психологических характеристик и особенностей обществ «порубежья».

Стоит добавить, что в советский период не существовало ясности относительно трактовки процесса освоения сибирского «порубежья». В 1920–1930-е гг. заселение восточных окраин страны определялось как завоевание Сибири, позднее, после окончания Великой Отечественной войны, господствующей в академических кругах стала точка зрения о добровольном вхождении сибирских народов в состав государства, а в начале 1960-х гг., с легкой руки историка В.И. Шункова, в научный оборот вошел термин «присоединение»².

Американские же специалисты в области гуманитарных наук вслед за Ф.Дж. Тернером на протяжении первой половины XX в. трактовали «фронт» преимущественно как «границу между проданной и «ничейной» землями, границу резерваций... границу между самыми западными штатами и самыми восточными территориями» и «зону особых социальных условий, а не границу территории, находящейся под юрисдикцией государства, и уж тем более не гра-

¹ Подробнее см.: *Супоницкая И.М.* Колонизация земель: Сибирь и американский Запад (вторая половина XIX в.) // *Одиссей: Человек в истории.* М., 2005. С. 237.

² *Супоницкая И.М.* Колонизация земель... С. 38–39.

ницу территории, разведанной его жителями»¹. Данное определение позволяло специалистам, оттолкнувшись от концепции фронта, сфокусировать внимание на проблеме зарождения американского национального характера и демократических норм и институтов.

Продуктивным представляется подход к использованию теории фронта, сформировавшийся в зарубежной историографии к 1980-м гг. в рамках движения «новой западной истории». Один из ярких представителей этого движения, профессор Р. Слоткин, рассматривал тернеровскую концепцию фронта как «культурный миф, формирующий общественное понимание европейской колонизации и поселений в США». Этот миф, по его мнению, состоит из «созвездий фактов, символов и метафор, которые проходят сквозь американскую литературу (включая ранние автобиографии поселенцев XVIII и XIX вв. и литературу начала XX в.), искусство (включая ранние сценические постановки на Диком Западе и сегодняшние голливудские фильмы) и политические дискуссии XIX–XX вв., легитимирующие американскую внутреннюю и внешнюю политику»². При этом Р. Слоткин, принимая за основу концепцию Ф.Дж. Тернера, определял историю, созданную «фронтирным мифом», как историю, «в которой конфликт, насилие, покорение природы и местных народов узаконено американцами как естественное и неизбежное для гарантии «прогресса» цивилизации». Исследователь подчеркивает, что именно «через такие акты героического агрессивного вторжения постоянно выражается американская национальная идентичность»³. Как представляется, даже спустя два десятилетия эта точка зрения не только не потеряла своей остроты и актуальности, но и может служить объяснением нынешнего и прогнозом вероятного будущего внешнеполитического курса США.

Начиная с 1990-х гг. происходят перемены в советской историографии. Это было связано с тем, что отечественные исследователи, получив возможность отойти от марксистско-ленинской трактовки освоения Сибири «как развития капитализма вширь и вглубь», взяли на вооружение тернеровскую концепцию фронта. Примечательно, что сам термин «восточный фронт», по данным В.Н. Чернавской,

¹ Цит. по: *Замятина Н.Ю.* Зона освоения (фронт) и ее образ в американской и русской культурах // *Общественные науки и современность.* 1998. № 5. С. 76–77.

² Цит. по: *Furniss E.* *Imaging the Frontier...*

³ *Furniss E.* *Imaging the Frontier...*

впервые прозвучал только в 1989 г.¹ Специалисты гуманитарных наук, избавившись от прокрустового ложа формационного подхода советской историографии, предприняли первые попытки применить системный подход к изучению процессов колонизации Сибири и их сравнению не только с опытом американского освоения Запада, но и с опытом колонизации других стран².

Результатом произошедших изменений стала переориентация постсоветской историографии на проведение сравнительно-исторических исследований по линии «Запад – Сибирь»³. Так, по мнению отечественных специалистов, занимающихся фронтирной тематикой, процесс освоения восточных окраин Российской империи можно рассматривать как продвижение русского фронта в течение нескольких столетий. В работе иркутского специалиста А.Д. Агеева выявляются не только черты сходства вариантов сибирских и американских фронтиров, но и неповторимые особенности того и другого случаев колонизации⁴.

Сравнительно-исторический подход применительно к окраинной политике царской России содержится и в опубликованной в Иркутске монографии И.Ю. Дамешек. В ней автор подчеркнула, что в современной историографии наблюдается отход от использования терминов «окраина» и «порубежные земли» и замена этих понятий емким определением «фронт»⁵. Именно тернеровская концепция, по мнению автора, может помочь в уточнении особенностей развития отношений «центр – периферия» в дореволюционной России⁶.

Другим не менее важным направлением в российской историографии в последние годы становится изучение характеристики психологических и социальных особенностей «фронтирного общества». Довольно любопытным представляется замечание новосибирского автора Д.Я. Резуна о том, что колонизация восточных окраин Сиби-

¹ Чернавская В.Н. «Восточный фронт» России XVII – начала XVIII в.: Историко-историографические очерки. Владивосток, 2003. С. 6.

² Агеев А.Д. Сибирь и американский Запад: движение фронтиров. М., 2005. С. 8–10.

³ Примечательно, что сравнение Сибири и американского Запада было популярным еще в XIX в. Так, в 1860-е гг. члены кружка сибирского землячества в Петербурге изучали американский опыт освоения Запада и, рассматривая Сибирь как колонию, призывали к ее отделению от Российской империи по примеру Соединенных Штатов. См.: Сутоницкая И.М. Колонизация земель... С. 220.

⁴ Агеев А.Д. Сибирь и американский Запад... С. 7.

⁵ Дамешек И.Ю. Сибирь в системе имперского регионализма... С. 6.

⁶ Там же. С. 80–101.

ри осуществлялась фактически вопреки логическим предпосылкам. Он подчеркивает: «...если колонизацию испанцами Южной, а англичанами Северной Америки нередко объясняют тем, что численность и плотность населения в европейских метрополиях достигли... критического уровня, и необходимо было “сбросить” его излишки в колонии, то тогда по темпам и площади колонизации всех должен был опередить Китай. Однако этого, как мы знаем, не было. Соответственно, “демографический фактор” не был определяющим в процессе освоения новых территорий, то есть в продвижении фронта»¹.

Развивая дальше данный тезис, исследователи неизбежно встают перед вопросом определения движущих сил колонизации и, точнее, определения своеобразных черт русской и американской ментальности.

Современные фронтирные исследования в ракурсе сравнения сибирского и американского вариантов колонизации помогают определить уникальные составляющие национального характера той и другой сторон. Так, по мнению участников дискуссии по проблемам фронта в истории Российской империи, прошедшей летом – осенью 2002 г. на электронных страницах международной дискуссионной группы «N-Russia», глубокое изучение именно сибирского варианта освоения восточных окраин (а не кавказского, степного, поволжского или уральского) позволяет специалистам делать выводы о специфических чертах национального характера русских².

Сам Ф.Дж. Тернер полагал, что именно «окружающая среда фронта содействовала формированию таких качеств поселенцев, как индивидуализм, находчивость, самодостаточность, приверженность демократическим ценностям»³. Фронт, – писал он, – это линия самой быстрой американизации. Присутствие и доминирование многочисленных культурных черт – «грубости и силы вместе с сообразительностью и восприимчивостью, практическим умом, быстро находящим выход; быстрое схватывание материальных вещей... неумная, нервная энергия; доминирующий индивидуализм» – могут быть отнесены к влиянию фронта»⁴.

¹ Резун Д.Я. Фронт из окна вагона... (Историко-публицистические заметки после путешествия в Харбин) // Фронт в истории Сибири и Северной Америки... С. 31.

² Цит. по обзору: Олейников Д.И. Фронт в русской истории. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: // <http://www.saratov.iriss.ru/empires/docs/>

³ Furniss E. Imaging the Frontier...

⁴ F.J. Turner's Frontier Theory «Characteristics». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.uta.fi/FAST/US2/REF/turner.html>

Впрочем, еще до Ф.Дж. Тернера эта точка зрения была выражена основоположниками американского государства Б. Франклином и Т. Джефферсоном, связывающими продвижение колонизаторов на Запад с созданием уникальных американских демократических институтов и ценностей независимости, индивидуализма, сопротивления административным органам, местным и центральным властям и т.д.¹

У современных специалистов положение об исключительном влиянии окружающей среды на формирование менталитета и особых политических и гражданских институтов по-прежнему находит отклик. В статье авторитетного российского историка Н.Н. Болховитинова с характерным названием «Американская цивилизация как исторический феномен» проводится мысль Ф.Дж. Тернера о том, что «многие особенности американской цивилизации действительно связаны с освоением континента Северной Америки с продвижением поселенцев на западные земли»². Вместе с тем автор статьи оговаривается, что американская демократия обязана своим появлением не только природным условиям, но и конкретным историческим деятелям, сделавшим независимость британской колонии реальностью³.

Примечательно, что в вышедшей всего два года назад монографии по проблеме влияния климата и географического положения на историю и экономику нашей страны проводится аналогичная позиция Ф.Дж. Тернера точка зрения, но уже применительно к России. Автор доказывает, что «географические обстоятельства, ассоциирующиеся с пространственными и природными компонентами, оказали на судьбу России исключительное влияние, аналоги которому вряд ли можно отыскать во всем мире...». В скобках заметим, что автор, будь он знаком с тернеровской концепцией фронта, вероятно, нашел бы «аналоги» России в истории. Так или иначе, появление подобных работ свидетельствует, во-первых, о том, что концепция фронта не утратила своей актуальности, и, во-вторых, о том, что сравнение влияния географической среды на такие крупные страны, как США и Россия, является оправданным и перспективным полем для дальнейшего изучения⁴.

¹ F.J. Turner's Frontier Theory «Characteristics»...

² Болховитинов Н.Н. Американская цивилизация как исторический феномен // Американская цивилизация как исторический феномен. Восприятие США в американской, западноевропейской и русской общественной мысли. М., 2001. С. 9.

³ Там же. С. 10–11.

⁴ Подробнее см.: Гладкий Ю.Н. Россия в лабиринтах географической судьбы. СПб., 2006. С. 841.

При определении движущих сил и мотивов колонизации заслуживает упоминания теория пассионарности Л.Н. Гумилева. По его мнению, процессы колонизации, миграции населения можно объяснить так называемым пассионарным толчком, когда в отдельном регионе появляется определенное количество пассионариев, то есть людей, «стремящихся сделать больше, чем нужно, для поддержания своей жизни и своего потомства, то есть больше, чем нужно для простого воспроизводства жизни»¹. У этих индивидуумов, «движимых иллюзорной, «идеальной» целью», наблюдался избыток энергии, приложением которой среди прочего служила колонизация². Дореволюционный историк П.Н. Буцинский также отмечал, что русскими, стремящимися на восток, «руководил необыкновенный дух предприимчивости, страсть к рискованным предприятиям, жажда знать – что таится в неведомых местах»³. Очевидно, что для уточнения этих вопросов необходимы усилия специалистов относительно новых, но бурно развивающихся дисциплин – психологии, социальной антропологии, антропологии границ. Именно поэтому отечественные исследователи в последние годы призывают активнее использовать при проведении сравнительного анализа американского и русского вариантов колонизации данные статистики, мемуарную литературу, чем многие авторы ранее пренебрегали, предпочитая работать не с источниками, а с отечественной и зарубежной историографией⁴. Так, данные статистики помогают наиболее полно реконструировать градостроительный процесс в США и Сибири. Согласно цифрам, приведенным Д.Я. Резуном, темпы урбанизации Сибири в XVI–XVII вв. были выше и количество городов – больше, чем в Соединенных Штатах, что свидетель-

¹ Гумилев Л.Н. Конец и вновь начало. М., 2007. С. 16.

² Там же. С. 88–89.

³ Цит. по: Чернаевская В.Н. «Восточный фронт» России... С. 28.

⁴ Фронт в истории Сибири и Северной Америке... Новосибирск, 2001. Вып. 1. С. 3–5. См также: Личность в истории Сибири XVIII–XX вв.: Сб. биогр. очерков. Новосибирск, 2007; Катанаев Е.Г. На заре сибирского самосознания: Воспоминания генерал-лейтенанта Сибирского казачьего войска. Новосибирск, 2005; Шиловский М.В. Общественно-политическое движение в Сибири второй половины XIX – начала XX в.: Областники. Новосибирск, 2005; Рыженко В.Г. «Русские в Сибири» (неопубликованная статья историка Н.Н. Козьмина) // Русский вопрос: история и современность... С. 242–247.

ствовало, в первую очередь, о том, что градостроительство в Сибири поддерживалось государством¹.

Изучение урбанистики может помочь объяснить и некоторые из побуждающих мотивов колонизации. Сопоставление статистических данных уже XVII в. свидетельствует о том, что в Сибири в это время наблюдались «вспышки» градостроительства, когда «освоение близлежащей территории намного отставало от быстрого строительства все новых и новых поселений». Объяснение этому явлению исследователи видят в государственной политике, так как «для фискальных целей Русского государства новая территория была нужна не столько для того, чтобы поселить новых русских поселенцев, сколько в плане новых плательщиков ясака», что и приводило к «бегству» на восток. Для английских же поселенцев ситуация была обратной².

В XVIII в. закрепились традиции освоения Сибири путем «переселения», а не «расселения». И уже именно в это время градостроительство (когда строились именно города!)³ в США опережает темпы урбанизации Сибири. Так, в XVIII в. в США было основано 60 городов, а в Сибири только 7⁴.

Значимость изучения проблем урбанистики для понимания особенностей «западного» и «восточного» фронтиров подчеркивают и западные специалисты. В ходе уже упоминавшейся дискуссии по проблемам фронта на электронных страницах международной дискуссионной группы «H-Russia» одна из участниц, профессор Е.-М. Стольберг отметила, что продолжение исследований по проблемам «урбанистики, повседневной жизни мигрантов, железнодорожного бума и пр. смогут дать плодотворный импульс для глубокого изучения исследования сибирской истории»⁵.

¹ См.: Резун Д.Я. К истории заселения Сибири и Северной Америки в XVII в. (историко-сравнительные параллели) // Фронтир в истории Сибири и Северной Америки... Новосибирск, 2001. Вып. 1. С. 12.

² См. об этом: Резун Д.Я. Очерки изучения сибирского города конца XVI – первой половины XVIII в. Новосибирск, 1982. С. 57.

³ Под «городом» Д.Я. Резун подразумевает «города и остроги, которые уже в XVII в. имели административный статус “города”; те остроги и слободы, которые фактически выполняли торгово-промышленные функции». См. подробнее: Резун Д.Я. К истории заселения Сибири... С. 11.

⁴ Резун Д.Я. К истории заселения Сибири... С. 15–17.

⁵ Цит. по обзору: Олейников Д.И. Фронтир в русской истории. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: // <http://www.saratov.iriss.ru/empires/docs/>

Таким образом, изучение феномена фронта в ракурсе компаративистских исследований, а именно – сравнение колонизации Сибири с процессом освоения американского «дикого Запада», как представляется, в условиях наличия огромного пласта проблем методологического и культурно-исторического характера, может оказать помощь в уточнении содержания феномена фронта. Довольно перспективным направлением изучения фронта на сибирском примере является рассмотрение вопроса о роли ссыльных в формировании «пограничного общества»¹. На материале по изучению Сибири можно даже выделить «фронт ссыльных», «фронт осужденных», «фронт беззакония» и пр.² Специалист по сибирской ссылке и сибирскому фронту Э. Джентис из Университета Лок-Хэвэна (США) приводит данные, что количество ссыльных за период с конца XVI – по начало XX в. составило 1 млн чел., подчеркивая, что «возвращавшиеся законно и бежавшие ссыльные приносили в Россию свой опыт и знания Сибири, а тем самым влияли и на высшие и на низшие сословия. Сама же система ссылки влияла на внутреннее развитие России – она практически заменила тюремную систему Европы и США»³.

Таким образом, население окраин или «периферии» представляет собой особый тип переселенческого общества, сравнение которого с «центром» может содействовать выявлению различий экономического, социального, политического и ментально-психологического характера. В свою очередь, одной из важнейших характеристик «пограничных обществ» специалисты называют социальную изменчивость и неопределенность всех общественных процессов»⁴. Несомненно, что изучение этих факторов может стать основой для новых фронтальных исследований. Очевидно в связи с этим, что феномен фронта «пограничных обществ» может быть раскрыт только посредством междисциплинарного исследования, с привлечением данных социальной антропологии, этнологии, социологии, истории, психологии, языкознания и других дисциплин и субдисциплин.

¹ Подробнее см.: *Мамсик Т.С.* Радикальный протестантизм и русский раскол в контексте мировых реформационных процессов эпохи великих переселений // *Фронт в истории Сибири и Северной Америки...* Новосибирск, 2001. Вып. 1. С. 54–66.

² Подробнее см. в обзоре: *Олейников Д.И.* Фронт в русской истории...

³ См.: *Олейников Д.И.* Фронт в русской истории...

⁴ *Гороховская Л.Г.* Восточный фронт: миф или реальность... С. 207–208.

Современные отечественные и зарубежные исследования связаны с распространением самого термина и содержания «теории фронта» на изучение истории международных отношений (преимущественно периода «холодной войны») и продолжением сравнительного анализа колонизации Сибири и Дикого Запада США. Большое значение специалисты уделяют рассмотрению использования терневской концепции в национальных интересах Соединенных Штатов на протяжении десятилетий.

Как известно, на рубеже XIX–XX вв. было завершено освоение американского Запада, что свидетельствовало о закрытии «первого фронта». Распространение же влияния США на другие регионы мира требовало нового идеологического обоснования. Американский президент В. Вильсон в качестве такого обоснования предложил идею распространения демократии для поддержания безопасности в мире в рамках Лиги Наций. Эта идея соответствовала психологическому настрою американской политической элиты и населения, учитывая, что американцы предпочитали видеть в расширении границ «сакральный смысл» и даже «предопределение судьбы». При этом основная идея американского предопределения подразумевала «перманентную экспансию», «вовлечение в орбиту своего влияния тех ареалов, которые еще сопротивляются трансформирующейся энергии этой идеи»¹. Более того, господствовавшая в США в конце XIX в. так называемая тевтонская теория обосновывала превосходство англосаксонских политических институтов и доказывала право и обязанность англоговорящих народов (подразумевались, прежде всего, сами Соединенные Штаты. – *В.Р., Е.Х.*) распространять эти институты по всему миру. Концепция Ф.Дж. Тернера в некоторой степени модернизировала эту идею, обосновывая уникальность американских демократических институтов и монопольное право США на все виды экспансии².

Впервые в общегосударственном масштабе американский глобализм, зародившийся еще в XIX в., был заявлен в послании конгрессу В. Вильсона – в знаменитой программе «14 пунктов». Попытки президента В. Вильсона открыть «новый фронт» в Европе получили свое логическое продолжение в деятельности Ф.Д. Рузвельта и участии США во Второй мировой войне³.

¹ Агеев А.Д. Сибирь и американский Запад... С. 137.

² Там же. С. 143.

³ Пелипась М.Я. Проблема сохранения «особых» американско-британских отношений в условиях осложнения после окончания Второй мировой войны международной ситуации в Восточном Средиземноморье // Американские исследования в Сибири. Томск, 2003. Вып. 7. С. 24–25.

Окончание Второй мировой войны, как известно, было связано с формированием новой системы международных отношений и распадом супериидентичности – коалиции военного времени. Как известно, сотрудничество двух стран – США и СССР во Второй мировой войне в значительной степени обеспечило победу антигитлеровской коалиции. Послевоенная обстановка, красноречиво свидетельствовавшая об экономическом, политическом и идеологическом усилении СССР, препятствовала реализации внешнеполитических лозунгов В. Вильсона и распространению принципов американской демократии на весь мир. Логика дальнейшей политики в отношении Советского Союза диктовала американской администрации проведение курса на закрепление принципа взаимного соблюдения сфер влияния и интересов в качестве определяющего в отношениях с советским руководством. По существу, это была фронтирная ситуация, в которой шел выбор между концепцией единого мира и мира, расколотого на две супериидентичности – Запад и Восток¹. Вашингтону пришлось смириться с разделом мира на сферы влияния, несмотря на то, что это, как подчеркивал М.Я. Пелипась, вступало в противоречие с одной из базовых концепций американского общества, а именно – концепцией «фронттира»².

Границей американского «фронттира» в годы «холодной войны», таким образом, стала линия противостояния между Организацией Варшавского договора и НАТО, существование которой затрудняло диалог культур, препятствовало процессам миграции населения, которые получили широкое развитие в настоящее время. В этой связи особое значение в наши дни приобретает изучение самого процесса распространения в «пограничье» общественных и политических взглядов, в том числе в процессе миграций, связанных не только с экономическими и политическими обстоятельствами, но и с конфессиональными мотивами.

Современные споры о конфигурации мира после «холодной войны» – многополярный, однополярный и т.д. – являются отражением устойчивого представления о жесткости послевоенной «оппозиции» двух сверхдержав, о том, что Ялтинско-Потсдамская система международных отношений не была в полном смысле биполярной. На ее

¹ См. подробнее об этом: *Пелипась М.Я.* Скованные одной цепью: США и Великобритания на Ближнем и Среднем Востоке в 1945–1956 гг. Томск, 2003. С. 3–5.

² *Пелипась М.Я.* Проблема сохранения... С. 24.

становление и развитие оказывали влияние на разных этапах британская дипломатия, китайский фактор, Движение неприсоединения и т.д.¹ Это заставляло США и Советский Союз, как олицетворений и гарантов двух суперидентичностей, сотрудничать для придания устойчивости оппозиции «свой – чужой». Это демонстрирует необходимость не абсолютизировать конфронтацию и учитывать, что «своя победа» может обернуться изменениями негативного характера для победителя и возглавляемой им суперидентичности, что и наблюдается в сегодняшней международной ситуации.

Еще одной гранью фронтальных исследований стало изучение «пограничных обществ» в рамках международных отношений применительно к самым животрепещущим проблемам глобального характера – мультикультурализма, международного терроризма, незаконной миграции – являющихся по сути производными от феномена культурного противопоставления «свой – чужой».

Исследование Европы в этой связи как своеобразной «пограничной области» в борьбе сверхдержав – СССР и США – может не только внести важный вклад в изучение трансатлантических отношений, но и способствовать становлению новой научной дисциплины – антропологии границ, совершенствованию ее понятийного и категориального аппарата и выявлению факторов, влияющих на появление феномена «пограничья»².

Так, ситуация в мире в начале 1990-х гг., связанная с распадом Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений, поставила вопрос о «фронтире», причем сразу в нескольких аспектах, не только американском³. Современное приложение теории фронта, в свою очередь, предполагает определения идентичности и мультикультурализма. Концепт идентичности получил широкое распространение во второй половине XX в., прежде всего, в связи со становлением идей мультикультурализма. Рассмотрение оппозиции «свой – чужой» в этой связи позволяет углубить понимание ситуации, наступающей в результате продвижения фронта⁴.

¹ *Пеллусь М.Я.* Скованные одной цепью... С. 352–353.

² *Living with America, 1946–1996.* Amsterdam, 1997; *Powalski R.E.* The Entangling Alliance: the United States and European Security, 1950–1993. Westport, Conn., L., 1994; *Winand P.* Eisenhower, Kennedy and the United States of Europe. N.Y., 1996.

³ *Пеллусь М.Я.* Влияние концепции фронта... С. 6.

⁴ *Лантева М.П.* Рубеж как фактор исторического познания // Американские исследования в Сибири. Томск, 2001. Вып. 5. С. 13.

Как отмечает Бьорн Томассен, значительная часть европейского населения подвержена прямому влиянию политических границ между государствами или провинциями (по статистике Европейского союза 10% населения сообщества проживают на пограничных территориях)¹. Только в Европе, по подсчетам специалистов, протяженность новых межгосударственных границ составила 8 тыс. миль². Очевидно, что географические границы обладают способностью разделять людей и целые популяции по политическим, экономическим, социальным, культурным и прочим взглядам.

Исследования современных проблем идентичности должны учитывать исторический опыт. Как известно, громадные миграционные потоки шли через регион Евразии и ранее, это уже отложилось в религиозных верованиях, языках и культуре. Именно в ходе исторического развития люди, относящиеся к различным этническим группам и культурам, стали осознавать своей родиной ту или иную часть Евразии. Вместе с тем процессы глобализации усугубляют противоречия мультикультурных обществ, в том числе и за счет усиления международной преступности, что сказывается на уровне толерантности.

Как представляется, абсолютизация «своего» пагубна в ситуации диалога цивилизаций. Доступный и показательный пример – Соединенные Штаты. Они пришли на Ближний и Средний Восток после Второй мировой войны с опытом решения экономических кризисных ситуаций периода «нового курса». Программы экономической помощи, в том числе известная программа 4-го пункта Доктрины Трумэна, имели в своей основе удачный опыт решения проблем региона в Соединенных Штатах в виде «проекта долины реки Теннесси» 1930-х гг. Предложенный вариант «проекта долины реки Иордан», однако, потерпел провал. Надо отметить, что и к проблеме палестинских беженцев США подходили не с точки зрения концепции «плавильного котла», которая применялась к ситуации американского общества. Считалось, что со времен распада Оттоманской империи не произошло осознания идентичности ни у палестинских арабов, ни у арабского населения других стран, поэтому палестинцы могут быстро ассимилироваться в других странах региона. Насколько неверен был этот подход, всем очевидно.

¹ *Thomassen B. Border Studies in Europe: Symbolic and Political Boundaries...* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.aur.edu/academics/faculty_pages.php?fi=156

² *Пеллпась М.Я. Влияние концепции фронта...* С. 6.

Ближневосточный регион в целом представляет собой довольно обширное пространство для фронтирных исследований. Вопрос о границах является одним из «краеугольных камней» арабо-израильского противостояния. До конца 1970-х гг. между Израилем и соседними арабскими странами вообще не существовало границ, а были только линии перемирия, определенные по результатам первой арабо-израильской войны 1948–1949 гг. До сих пор не решен окончательно вопрос о границах между Израилем и Сирией, Ливаном. Пограничные споры являются также источником разногласий между Ираном и Ираком, Саудовской Аравией и княжествами Персидского залива, Ираном и Бахрейном и т.д. Отдельная проблема – статус курдского населения, не имеющего своих национальных границ¹.

Вопрос об определении арабской идентичности также привлекает внимание исследователей. Казалось бы, что в арабском мире, где существует относительное языковое, религиозное и культурное единство, не должна была появиться проблема противостояния «свой – чужой». Однако многочисленные попытки реализовать различные панарабистские идеи так и не увенчались успехом. Политические, исторические и религиозные разногласия оказались выше. В то же время, как отмечает американский автор М. Муфти, феномен панарабизма можно понять, изучая его «не как попытку создания межгосударственных альянсов, а как идентичность политических элит арабских стран, проникающую через государственные границы»².

Как уже отмечалось, зарубежные исследователи стали использовать теорию фронта не только для изучения истории освоения североамериканского континента, но и применительно к другим регионам мира. Так, американский исследователь Д. Литтл, изучая историю американо-египетских отношений в период администрации Дж.Ф. Кеннеди, определил подход США к Египту как «новый фронт на Ниле»³. В данном случае под термином «фронт» американ-

¹ См.: *Ra'anan U. The Frontiers of a Nation*. Westport, 1976; *Boundaries and State Territory in the Middle East and North Africa* / Ed. by G.H. Blake, R.N. Schofield. Cambridge, 1987; *State Frontiers: Borders and Boundaries in the Middle East* / Ed. by I. Brandell. L., N.Y., 2006.

² *Mufti M. Sovereign Creations: Pan-Arabism and Political Order in Syria and Iraq*. Ithaca; L., 1996. P. 5.

³ Ряд зарубежных авторов даже обозначают термином «новый фронт» («New Frontier») программу внутри- и внешнеполитических преобразований президента Дж.Ф. Кеннеди. См. подробнее: *Giglio J.N. The Presidency of John F. Kennedy*. Lawrence, 1991. P. 97–121.

ский ученый понимает продвижение границ зоны интересов Соединенных Штатов в страны так называемого третьего мира, где Египет в годы «холодной войны» занимал одно из ключевых мест. Как считает Д. Литтл, от развития отношений США с арабским национализмом, олицетворением которого являлся египетский президент Г.А. Насер, зависело и отношение развивающихся стран к Соединенным Штатам¹.

Так или иначе, проблема идентичности приобретает реальное и, временами, кровавое содержание в условиях кризиса «больших идентичностей» – пример тому русское население в бывших республиках Советского Союза. Трагедия «маленького человека» в этой связи становится проблемой не только научной². Абсолютизация одних, даже самых передовых, концепций в области национальных и межличностных отношений создает большие политические и экономические проблемы. Как неофициально признаются специалисты по интегрированной Европе, ЕС попался в своеобразную ловушку. Демографическая ситуация, особенно в развитых западноевропейских государствах, и приверженность принципам свободы передвижения заставляют предполагать, что к 2025 г. в интегрированную Европу въедет до 150 млн иммигрантов. Возникают вопросы: кто они будут? Что будет с национальной идентичностью англичан, немцев, французов? Эти вопросы не праздные, что заставляет Евросоюз выносить политику культуры в разряд приоритетных³.

Накопленный эмпирический материал дает возможность специалистам внести уточнения в сложившиеся концепции формирования трансатлантических отношений, а также в теорию военно-политической и экономической интеграции, которая в значительной степени строится на изучении интеграционных процессов именно в Европе. Проблемы, с которыми в последние десятилетия столкнулись европейские государства и США, а именно: столкновение цивилизаций, национальные и этнические проблемы, незаконная миграция и трудности демографического характера, во многом созвучны проблемам российской идентичности, а, по сути, вопросам сохранения или распада России. В настоящем мы являемся свидетелями сотво-

¹ *Little D.* The New Frontier on the Nile: John F. Kennedy, Nasser, and Arab Nationalism // *The Journal of American History.* 1988. Vol. 75, № 2. P. 501–527.

² *Пелитась М.Я.* Предисловие // *Американские исследования в Сибири.* Томск, 2003. Вып. 7. С. 3.

³ *Thomassen B.* Border Studies in Europe: Symbolic and Political Boundaries... [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.aur.edu/academics/faculty_pages.php?fi=156

рения новых мифов, которые активно внедряются в сознание граждан. Часть их создает предпосылки для развития российского национализма и изоляционизма¹. Очевидно, что представители всех гуманитарных наук не могут дистанцироваться от существующей проблемы.

Надо заметить, что в рассмотрении различных аспектов проблем российской идентичности задействованы все силы мировой науки. Мигранты меняют облик не только крупных, но и небольших городов региона. Их адаптация в регионе зависит как от жизнестойкости самих мигрантов, так и от эффективности и силы местных институтов². В этих условиях переосмысление понятия идентичности как в европейских государствах, так и в России и бывших союзных республиках ведет к пересмотру концепции государственного управления. В этой связи задача колоссальной важности для руководства заинтересованных стран – сформировать такую идентичность, которая могла бы включить частные идентичности, существующие в данном регионе. В противном случае, независимо от институциональных изменений, провозглашаемых сверху, разнообразные и конфликтные группы и индивидуумы будут и впредь сосуществовать в опасном отстранении друг от друга, несмотря на видимость тесного совместного проживания.

В этой связи особую актуальность в современных условиях приобретает изучение феномена фронта в рамках проблем пограничья Западной Европы и России. В послевоенной Европе с учетом негативного исторического опыта, связанного с происхождением двух мировых войн, проблемам границ, в особенности в аспекте трансграничных отношений и сотрудничества, уделяется повышенное внимание. Свидетельством этому стало не только появление в рамках Европейского союза Ассоциации европейских регионов (1985 г.), но и складывание целого ряда исследовательских центров в разных странах мира. Их деятельность характеризует междисциплинарность исследований, что способствует формированию новой исследовательской дисциплины – антропологии границ.

¹ См. подробнее: *Тренин Д.В.* Интеграция и идентичность: Россия как «новый Запад». М., 2006. Гл. 1–3; Идентичность как фактор политики и предмет политической науки. М., 2005.

² См.: *Тэвдой-Бурмули А.* Интеграция и кризис идентичности: националистический вызов объединенной Европе // Европейский Союз на пороге XXI в.: выбор стратегии развития. М., 2001. С. 51–63.

В Западной Сибири существует несколько крупных центров по изучению проблем и феномена фронта, в том числе в Томском государственном университете. Ряд конференций, проведенных в ТГУ, являются очередным примером интеграции научных усилий гуманитарных факультетов Томского университета. Так, в ходе конференций выяснилось, что концепция фронта в более широком смысле может быть использована не только историками, но и представителями других гуманитарных дисциплин. Проблема фронта была подхвачена и, надо отметить, широко исследуется сотрудниками Института истории СО РАН¹.

Современные, в том числе сибирские, специалисты гуманитарных областей знания при проведении сравнительно-исторических исследований все больше фокусируют свое внимание на изучении формирования и особенностей «пограничного общества» на территории продвижения фронта в случае с американским и сибирским вариантами колонизации. Как представляется, такие исследования могут помочь выстроить целостную картину сходств и различий освоения Сибири и американского Запада, обозначить предел возможностей сопоставления двух вариантов колонизации, дать оценку роли и влияния сибирского и американского фронтов на развитие государства и выявить актуальные проблемы, связанные с нынешней ситуацией на окраинных территориях².

Пристальный интерес исследователей в последнее время вызывают и вопросы изучения ментально-психологических, социальных, политических и иных характеристик «пограничного населения». В этом ракурсе современные дискуссии по вопросам противопоставления «центр – периферия» и «свой – чужой» приобретают в рамках теории фронта особое звучание, позволяя распространить тернеровскую концепцию за пределы сравнения освоения американского Дикого Запада и колонизации восточных окраин Российской империи и применять ее в других областях науки.

¹ Институтом истории объединенного института истории, филологии и философии (ИИОИИФФ) СО РАН в 2001–2002 гг. были подготовлены три коллективные монографии и вплоть до настоящего времени публикуются сборники и отдельные монографии по изучению «сибирского фронта» в ракурсе сравнения с освоением Дикого Запада Америки. См., например: *Фронт в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв.: общее и особенное*. Новосибирск, 2001, 2002, 2005. Вып. 1–3.

² См.: *Суполицкая И.М.* Колонизация земель... С. 237.

Теория фронта, акцентирующая внимание на проблемах определения особенностей или самоидентификации «обществ порубежья», позволяет использовать ее в отношении изучения Сибири как окраинного региона, или, говоря современным научным языком, «восточного фронта». Столкновение в Сибири различных этносов и народов в процессе освоения региона и их нынешнее совместное проживание сформировало особый культурный облик восточных окраин России, что ставит перед учеными вопрос о существовании и возможных составляющих этнокультурной идентичности Сибири. Теория «подвижной границы» Ф.Дж. Тернера, как представляется, может стать основой для поиска ответа исследователей на этот вопрос.